

Жил я тогда в Арзамасе. Конечно, это было знаковым событием: мои стихи в журнале заметили, оценили, видимо, будут и дальше печатать, раз пригласили поучаствовать в мероприятии. Помню, не ехал, а летел в редакцию. Волновался. И было отчего: войдя в кабинет главного редактора, я увидел известных всей стране писателей: Евгения Носова, Гавриила Троепольского, Георгия Семёнова, критика Ирину Стрелкову. Там же я познакомился с Валентином Распутиным. Он выглядел слегка уставшим. «С дороги только что, — признался Распутин, — никак не могу ещё прийти в себя...». И смущённо улыбнулся. Вот такой как все, как обыкновенный человек.

К тому времени я уже успел прочитать и «Деньги для Марии», и «Живи и помни», и «Прощание с Матёрой», и «Последний срок». И понимал, какой это большой, ни на кого не похожий мастер слова. Всем сердцем принимая тот мир, ту боль, которые набатно зазвучали в его произведениях, я робко наблюдал, как с ним уважительно общались старшие по возрасту писатели.

А он после обсуждения запросто чаёвничал со всеми нами, что-то с усмешкой рассказывал о жизни в Иркутске, о погоде, о дороге — да разве сейчас упомнишь все эти разговоры. Держал он себя очень просто, не кичился свалившейся на его голову всемирной известностью, ел охотно баранки, прихлёбывал из чашки чай, нацеженный из огромного самовара. И было тогда за этим редакционным столом такое дружеское общение, столько шуток, новых анекдотов, писатели делились задумками, планами...

Вторая наша встреча произошла через годы, через целую эпоху, которую пережила страна. В 1998 году в Петербурге состоялся пленум Союза писателей России. Собрались в Смольном. Писатель Семён Шуртаков подвёл меня к Валентину Распутину.

— Валя, это Коля Рачков, поэт, мой земляк, познакомься...

Распутин пристально посмотрел на меня и улыбнулся:

— Эх, Семён Иваныч, да мы с Николаем Рачковым давно знакомы. Вместе чаёвничали в редакции «Нашего современника».

Меня это тогда очень обрадовало: узнал, узнал через столько времени!

Как-то так получилось, что позже на экскурсии по городу, на территории Александрово-Невской лавры, мы с Распутиным оказались рядом. «Ты от меня не отходи, а то потеряю», — пошутил он. Мы пошли на мемориальное кладбище, где похоронены Жуковский, Карамзин, друзья Пушкина. Постояли и у надгробных памятников великим русским композиторам, причём Валентин Григорьевич о каждом из них вспоминал что-то интересное.

Когда мы зашли в Троицкий собор, увидели длинную очередь писателей к раке с мощами Александра Невского. И на эту очередь с интересом смотрели пришедшие в храм туристы. Узнавали, кто есть кто. Я не могу объяснить, почему мне стало неловко от этих взглядов, потихоньку отступил в сторону. И тут ко мне подошёл тоже несколько смущённый Валентин Григорьевич. В руке у него было две свечи. «Это тебе, — сказал он, подавая мне одну, — пойдём поставим во здравие...».

И мы зажгли эти свечи у Иверской иконы Божией Матери. Постояли молча. Помолились. И потом присоединились к группе наших писателей и приложились к мощам святого князя.

А через два года Распутин пригласил меня в Иркутск на праздник «Сияние России». Мы летели туда с Анатолием Пантелеевым из Санкт-Петербургского государственного университета и Иваном Гончаровым, профессором педагогического университета им. А. Герцена. Рейс задержали часа на три. И всё это время Валентин Григорьевич терпеливо ждал в аэропорту в Иркутске. Он проводил нас в гостиницу, а через пару часов зашёл и пригласил в гости. «Поедим у меня, — сказал он, — посмотрите, как живу...».

Этот вечер мне не забыть до сих пор. Светлана Ивановна, жена Распутина, угождала нас домашними разносолами: «И

огурчики, и помидоры сами выращиваем на даче...». Именно тогда я впервые попробовал байкальского омуля. Ели пироги, выпивали, конечно, и о чём только не говорили!

На другой день Валентин Григорьевич пригласил меня пройтись по городу: «Посмотришь Иркутск, столицу Сибири». Мы прошли вдоль университета, где учился он и драматург Александр Вампилов, Распутин показал старинное здание Русского географического общества, напомнил, что именно отсюда отправлялись экспедиции на дальнейшее освоение Сибири, Дальнего Востока, в Китай, в Монголию. Мы вышли к Ангаре. «Сейчас у меня зрение не то, — вздохнул он с сожалением, — а раньше мог прочесть заголовки объявлений на другом берегу Ангары». Меня заинтересовала целая улица деревянных домов, скорее изб с большими ставнями на окнах, с крепкими воротами — и всё это в центре города. «Вот так жили-вековали наши деды-прадеды, вот таким был раньше наш Иркутск».

Довелось нам вдвоём выступать в городской библиотеке. Распутин попросил, чтобы я прочёл стихотворение «А Россия была и будет». Оно ему нравилось. «Ты везде его читай, — наставлял меня, — это очень даже необходимо сегодня». Но я прочёл недавно «Россия только начинается». Валентин Григорьевич, когда мы вышли из зала, взял меня за руку: «Ты умеешь кратко в стихах сказать о главном.

сте с ним и нас, встречали девушки, одетые в русские сарафаны, с цветами в руках они образовали нарядный почётный коридор, и мы торжественно проходили через него в местный Дом культуры. После выступления, а оно затянулось допоздна, собрались поужинать вместе с местным начальством. И вот после застольных речей, и серьёзных, и шуточных — ведь здесь Распутин для всех просто свой родной человек, а не только великий русский писатель, — Толя Пантелеев развернул гармошку, с которой он не расстанется ни в каких поездках, и грянули песню за столом. Пели «Славное море — священный Байкал», «Катюшу», «Волховскую застольную», «Артиллеристы, Сталин дал приказ!». И Валентин Григорьевич пел вместе с нами, да ещё подсказывал, какую новую песню спеть. Вообще, он был здесь ещё более прост и открыт душой, вспоминал с земляками былое, обсуждая тамошнюю жизнь. Я и во время последующих встреч замечал, что он никогда не старался как-то выделиться, в нём естественно уживались и врождённая скромность характера, и величие таланта.

...С той встречи в Иркутске, собственно, начались наши дружеские отношения. Я посылал ему книги, он отзывался, всегда давал оценку, рассказывал о своём бытии, я писал ему, иногда мы созванивались. Не скрою, каждое его письмо, его оценка ободряли меня, поднимали дух, настраивали на творческую работу.

Когда я бывал на пленумах Союза писателей в Москве, Валентин Григорьевич приглашал меня к себе в гости в Столешников переулок «попить чайку». Но я, по своей закоренелой деревенской застенчивости что ли, не решался обременять его посещениями. Я всегда покупал заранее билет на поезд домой и оправдывался: «Билет у меня куплен, Валентин Григорьевич, уж как-нибудь в другой раз. Передай привет Светлане Ивановне...». Он мне: «И Светлана была бы рада увидеться...».

Не могу забыть, как он в последнем письме, когда был уже очень болен, писал, что хочет хотя бы ещё разок посмотреть Петербург. Надеюсь приехать осенью 2014 года. И опять напомнил мне: «Надо увидеться, надо...».

Не получилось. Ни приезда в Петербург, ни встречи нашей. Я ведь совсем не догадывался, что он смертельно болен. Да он и сам, вероятно, не хотел в это поверить. Но что случилось, то случилось...

Сейчас я очень жалею, что даже в том же 2014 году, когда приехав с конференции из Белгорода, писатели Виктор Потанин и Виктор Лихоносов звали меня к Распутину в гости, но я рассудил: куда такой компанией-то? Шумно будет...

Только теперь я понял, как был он всё-таки одинок и страдал душой в этом мире в последние годы. Как ему хотелось просто поговорить с теми, кто не надоедал, наверно, ни просьбами, ни суетливым

Коллаж Елены СТЕПАНОВОЙ

В 1985 году редактор «Нашего современника» Сергей Викулов неожиданно пригласил меня в Москву на подведение итогов года и обсуждение плана на будущее...

Вообще, завидую поэтам. Мы, прозаики, можем только говорить о проблемах, не будем ведь читать вслух рассказ или повесть в зале. Не те времена. А ты вон написал «Любку» — и в этом стихе целая художественная повесть о жизни».

Трудно объяснить, почему Распутин как-то тепло, даже уважительно стал относиться ко мне. Кстати, многие говорят, что он был молчалив, подчёркивая замкнутость как основную черту его характера. Но мы с ним беседовали обо всём, общались вполне откровенно, доверительно. Мне кажется, что его замкнутость, его «каменное молчание», о котором упоминает критик Валентин Курбатов, это состояние души в тот или иной период жизни, особенно это стало заметно после гибели его дочери Марии. А со смертью Светланы Ивановны Распутин стал даже не столько сторониться людей, сколько испытывать неловкость, потому что жаловался на память: «Здороваются, а я не узнаю кто это, забыл, понимаешь — забыл и имя, и фамилию встречного. Злость на себя. Отшибло память...». Прячусь от порядочных людей».

И ещё к той якобы замкнутости его. Однажды мы были в Усть-Уде, в том самом посёлке, где он учился в школе — той, где развились события, описанные им в повести «Уроки французского». Распутин, а вме-

А как он был деликатен, если находил слабую строчку!

Вот выдержка из его письма от 1 ноября 2009 года:

«У меня впечатление такое, что пишешь ты всё сильнее и точнее. И всё необходимое для стиха, о чём бы ты ни задумывал, при тебе, надо только растворить ворота и выбирать из лучшего самое лучшее. Терзания, очевидно, и в этом случае бывают, но уже не надо весь свет обегать за словом, а только выбрать как бы из домашнего хозяйства».

За одно запнулся, может быть, и несправедливо. Это в другом стихе о деревне:

"Как солнце играло на жёлтой стерне" — прекрасный стих; "Тебя извели. Истребили. Не плачь" (всё тут есть — и напряжение, и точность, и боль), но концовка:

"Тебя ещё вспомнит Россия" — мне показалась несколько вялой и, может быть, изъезженной. Не берусь утверждать — показала...

Всё ведь правильно подметил. Как я благодарен за это замечание! Надо сказать, что те стихи я посылал ему в рукописном виде, они не были ещё нигде напечатаны. И стих «Как солнце играло на жёлтой стерне» я до сих пор не опубликовал. Наконец, нашёл концовку, но, увы, не прочтёт её мой любимый писатель...

вторжением в его жизнь.

Я приехал в Москву в храм Христа Спасителя проститься с Распутиным. Увидев пострадавший, изболелый до неузнаваемости лик любимого писателя, внутренне содрогнулся. «Плачу и рыдаю...» — даже молитвенными словами не выразить того состояния, которое жгло мне сердце.

Народ шёл и шёл проститься с ним, ложились цветы на стоявший у временного прохода столик и на гроб, горели свечи у икон. А народ шёл и шёл...

Я ехал домой и вспоминал до мельчайших подробностей все наши встречи: и путешествие по Байкалу, и то, как взбирались на крутой лесистый берег вдоль «золотой пряжки» Транссиба, и Валентин Григорьевич, присев на корточки перед крохотным, в ладошку, кустиком кедра, обрадовано извещал: «Вот выкопаю и пошлю приятель-писателю, давно обещал...». И надо было видеть, как светилось его лицо, как он по-крестьянски деловито расправлял длинные хвойные иголки...

Без слёз не могу перечитывать его письма, вспоминая и понимая, какая великая благодать была мне дарована свыше — быть в дружеских отношениях с писателем от Бога Валентином Григорьевичем Распутиным.

Николай РАЧКОВ